

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИРАНСКИЙ ОПЫТ ПРЕБЫВАНИЯ ПОД САНКЦИЯМИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ¹

В статье на примере Ирана анализируется опыт прохождения санкционного кризиса страной-нефтеэкспортером. Рассматриваются эффекты двух раундов коллективных санкций, наложенных на Иран в 2011–2022 гг., – до заключения ядерной сделки и после ее расторжения, а также в промежуточный период снятия нефтяного эмбарго. Типологизированы приоритеты иранской доктрины «экономики сопротивления» и рассмотрены ее макроэкономические итоги. Показано, что, несмотря на успешный обход санкций, развитие связей с альтернативными партнерами и некоторые успехи в диверсификации, иранская экономика продолжает терять бюджетные доходы и остается нестабильной. В контексте иранского опыта выявлены актуальные для России проблемы разбалансированного экономического роста в условиях санкционного стресса и уязвимости в политике поддержки роста на основе бюджетного стимула.

Ключевые слова: *экономические санкции, санкционный кризис, иранская экономика, «экономика сопротивления», российская экономика, бюджетный стимул.*

УДК: 338.001.36

EDN: EMOCKG

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра инновационной экономики и промышленной политики ФГБУН Институт экономики РАН «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

Российская санкционная ситуация примечательна тем, что она во многом развивается в русле иранской – и по структуре введенных Западом санкций (обе страны являются ресурсозависимыми нефтеэкспортерами), и по алгоритму сопротивления им, и по объективным пределам этого сопротивления [8]. Хотя по объему наложенных ограничений (17,5 тыс. на осень 2023 г.) Россия вчетверо превосходит Иран, и это в целом соответствует ее финансово-экономическому потенциалу как крупной экономики, представляющей первую мировую тройку поставщиков углеводородов и способной оказывать мощное влияние на мировые энергетические рынки. Поэтому главное заметное расхождение между двумя подсанкционными странами заключается в различных сценариях прохождения ими этапа санкционных шоков. Если в Иране введение коллективных санкций в 2011 г. мгновенно подорвало нефтяную отрасль, бюджет и экономику, то Россия в аналогичной ситуации 2022 г. сумела отложить развертывание санкционного кризиса, заработать валютные сверхдоходы и даже повысить побочные издержки участников санкционной коалиции.

В первый год санкций, благодаря разгону мировой энергетической инфляции и сочетанию полного импортного эмбарго с отложенным нефтяным, Россия смогла получить рекордный профицит торгового баланса и купировать тем самым шоки введенных финансовых запретов [7]. При этом конвертация сверхвысокой экспортной выручки в растущие бюджетные траты на нужды СВО создала особый бюджетный стимул, позволивший России выйти из первой санкционной рецессии принципиально быстрее, чем это случилось в Иране. Однако уже на второй год санкций Россия подпала под их системное воздействие, связанное, как и в Иране, со сжатием нефтегазовых доходов бюджета, резким ослаблением макрофинансовой стабильности и с появлением ощутимых кризисных рисков [9].

Для выявления закономерностей и вероятных макроэкономических эффектов санкционного кризиса, которые во многом будут определять дальнейшие тренды в функционировании российской экономики, в данной статье мы рассматриваем результаты экономического развития Ирана за последнее десятилетие (2011–2022 гг.) и итоги адаптации этой страны к коллективным санкциям мощной международной коалиции, в том числе на базе реализации Ираном своей доктрины «экономики сопротивления». Опираясь на ограниченную литературу по этой теме (концептуальных исследований крайне мало), мы обобщаем иранский санкционный опыт и формулируем ряд вытекающих из него выводов, способных, как представляется, повысить реалистичность ожиданий от возможностей России удерживать устойчивый экономический рост в условиях стрессовых эффектов.

Два раунда коллективных санкций в отношении Ирана

Иран близок России своей принадлежностью к группе ведущих экспортеров углеводородов. Занимая третье место в мире по запасам нефти (после Венесуэлы и Саудовской Аравии) и второе по запасам газа, Иран является крупным нефтеэкспортером и еще более крупным (3-е место в мире в 2020 г.) производителем природного газа². Как и в России, его нефтяной экспорт определяет динамику ВВП, выступая ключевым источником валютных поступлений и бюджетных доходов [13], хотя сама доля нефтяного сектора в иранском ВВП не превышает 18% (на фоне 20% доли всей промышленности и свыше 50% сферы торговли и услуг) [12].

Иран находится под санкциями США уже пятое десятилетие (с 1979 г.), а с 2011 г. он подпал под коллективные санкции США, ЕС и ООН, призванные побудить его отказаться от использования своей ядерной программы в военных целях. До февраля 2022 г., когда были введены санкции против России, Иран держал многолетнее первенство по совокупному объему ограничений, достигших сегодня около 4,6 тыс., включая индивидуальные санкции³. Пакет его секторальных санкций содержит *три типовые группы запретов*: экспортное эмбарго (запрет на импорт из Ирана нефти и продукции других базовых отраслей – от автомобилей до ковров); импортное эмбарго (запрет на поставки в Иран передовых технологий, нефтегазового оборудования, западных материалов и компонентов) и жесткие финансовые ограничения (отключение банков от системы SWIFT, почти полная заморозка валютных резервов центробанка, блокировка доступа Ирана на рынки капиталов и к международным расчетам в долларах и евро). Аналогичные санкции были наложены в 2022 г. и на Россию, но особенностью иранских стало полное эмбарго на ввоз и вывоз ядерных материалов.

Институциональной спецификой Ирана как объекта санкций является то, что после исламской революции 1979 г. в стране установился жесткий авторитарный режим (высшая религиозная власть во главе с аятоллой сочетается со светскими органами), а впоследствии значительная часть экономики и финансовых потоков оказалась в подчинении квази-государственных и неподконтрольных правительству исламских структур (включая управляемые духовенством фонды, холдинговые компании и инвестиционные группы) [13]. Такая система политической и экономической власти во многом предопределила особые структурные уязвимости иранской экономики: недоразвитость рыночных институтов, доминирование госсобственности в промыш-

² EIA. <https://www.eia.gov/international/analysis/country/IRN>

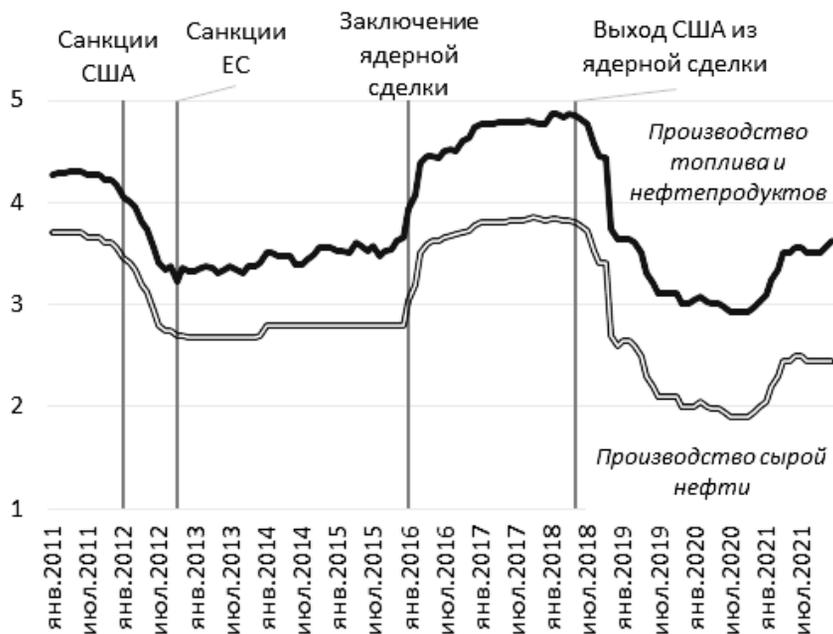
³ Castellum.AI. <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>

ленном и финансовом секторах (при преобладании мелких частных фирм в сфере торговли и услуг), зависимость предприятий многих отраслей от бюджетных льгот и субсидий (включая субсидирование заниженных внутренних цен на газ и электроэнергию), а также многолетнее отсутствие реальной долгосрочной стратегии экономического развития [12]. С введением коллективных санкций роль госсектора только возросла, а экономическая власть квазигосударственных структур еще более усилилась, в том числе за счет наращивания доходов от теневого бизнеса при обходе ограничений [13].

Сохранив преимущественно рыночное ценообразование, Иран избежал санкционного коллапса, но ощутил системное действие санкций и погрузился в кризисное состояние уже на этапе прохождения первых санкционных шоков. Сочетание экспортного эмбарго с импортным наложило здесь на слабость государственных финансов (бюджетный дефицит, который в 2011 г. был небольшим, стал неуклонно нарастать), что усилило шоковый эффект финансовых санкций, сопровождаемый исходом из страны иностранных компаний и банков. В условиях оттока капиталов и отсутствия мощной финансовой подушки правительство, центробанк и бизнес мгновенно оказались в ситуации нехватки средств, что вызвало острый валютно-финансовый кризис, дестабилизацию риала и глубокий спад производства.

Начиная с 2011 г. в санкционном давлении на Иран можно выделить три периода. Первый, 5-летний раунд ограничений (2011–2015 гг.) завершился успехом санкционной коалиции: Иран заключил международную ядерную сделку, после чего санкции были принципиально ослаблены на двухлетний период (2016–2017 гг.). В 2018 г. выход США из сделки (в ответ на нарушение Ираном своих обязательств) повлек за собой еще более мощный второй санкционный раунд, длящийся до сих пор (2018–2023 гг.). При этом ключевую роль в состоянии бюджета и экономики во всех трех периодах сыграл нефтяной сектор. С введением санкций объемы производства нефти и нефтепродуктов резко просели, в период снятия эмбарго – резко возросли, а с возобновлением эмбарго – обвалились еще ниже, чем в первом раунде ограничений (см. рис. 1). Этой траектории следовала и вся иранская экономика, демонстрируя то важное обстоятельство, что ее стабилизация и рост оказываются возможными только при значительном смягчении санкционного режима.

Действительно, *первый раунд санкций* отмечен падением нефтяного экспорта на 76% (до 27,3 млрд долл. в 2015 г. против 114,7 млрд в 2011 г., по данным ОПЕК), пиковым падением инвестиций (2012 г.), тремя годами рецессии (2012, 2013 и 2015 г.) и пиковым взлетом инфляции (до 36,6%, по неофициальным данным – до 60%). При этом импортное эмбарго подорвало обрабатывающую промышленность (особенно

Источник: данные EIA. <https://www.eia.gov/>.

Рис. 1. Динамика производства в нефтяном секторе Ирана, 2011–2022 г. (млн баррель в день)

автомобильную), а уход из энергетического сектора крупных иностранных компаний (с перепродажей активов иранским фирмам) прервал разработку нефтегазовых месторождений, причем последующие попытки Ирана вернуть инвесторов с помощью особых преференций («иранский нефтяной контракт») были свернуты вторым раундом санкций [11].

На этапе *ослабления санкций* (почти полного со стороны ЕС) нефтяной экспорт восстановился практически до уровня 2011 г., экономика пошла в рост, а инфляция снизилась до однозначной величины. К 2017 г. Иран расширил нефтепереработку, заместил импортный бензин собственным и даже стал продавать его в Венесуэлу [11]. Однако последствия изоляции от глобальных рынков в первом раунде санкций сделали восстановительный рост неравномерным и неустойчивым: рекордные 8,8% прироста ВВП в 2016 г. сменились в 2017 г. на 2,8% (см. табл. 2). Возвращение в страну иностранных компаний уперлось в низкую доходность и высокие риски, а возобновление связей с зарубежными банками – в сохранение большей части финансовых санкций со стороны США. В итоге Ирану не хватило технологических и финансовых возможностей для модернизации производственной базы: за 5 лет фонды в ключевых промышленных отраслях морально устарели или полностью износились [13].

После начала второго раунда санкций (с ноября 2018 г.) экспорт нефти упал ниже уровня 2015 г., страна вновь испытала взрывную и еще более высокую инфляцию (35–50% в год) и очередную двухлетнюю рецессию, причем последовавший в 2020–2021 гг. восстановительный рост не компенсировал последствий спада [11].

Иранская «экономика сопротивления» и макроэкономические итоги ее реализации

За годы пребывания под санкциями Иран наработал богатый опыт их обхода и пионерный опыт адаптации нефтедобывающей страны к масштабным системным ограничениям. В 2014 г. он оформил эти усилия в виде доктрины «Экономика сопротивления» (*resistance economy*), восходящей корнями к исламским традициям построения системы, способной опираться на собственные ресурсы и противостоять внешнему давлению. Доктрина охватывает целый ряд направлений в политике адаптации (см. табл. 1), многие из которых были переняты Россией в 2022 г. Одним из ключевых приоритетов стало высвобождение бюджета из зависимости от экспорта сырой нефти, другим – замещение значимого инвестиционного импорта и развитие инноваций, что перекликается с российской концепцией технологического суверенитета.

Таблица 1

Приоритеты и направления иранской «экономики сопротивления»

Приоритеты и направления	Меры экономической политики
Удержание стабильности бюджета, его отвязка от экспорта сырой нефти путем ускоренной отраслевой диверсификации экспорта	<ol style="list-style-type: none"> 1) диверсификация источников бюджетной системы, введение НДС, оптимизация расходов в соответствии с доходами; 2) стимулирование запуска множества малых НПЗ для развития нефтепереработки и нефтехимии; 3) поощрение производства и экспорта неподсанкционных товаров и наукоемких услуг (в т. ч. за счет льгот и нефтяной выручки, накапливаемой в Национальном фонде развития).
Минимизация эффектов обесценения национальной валюты	<ol style="list-style-type: none"> 1) контроль центробанка над оттоком валюты и капиталов; 2) нетарифное ограничение импорта товаров, подлежащих замещению в Иране; 3) введение с 2018 г. трех курсов обмена риала – официальный (фиксированный), рыночный и специальный для экспортеров и импортеров.

<p>Принцип «больше рынка» для поощрения промобработки и притока иностранных инвестиций</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) селективная либерализация ВЭД (снижение пошлин, отдельных налогов, использование режима ОЭЗ); 2) частичная либерализация внутреннего рынка (для поддержания рентабельности бизнеса, создания новых фирм).
<p>Интенсификация ВЭД, развитие связей с новыми партнерами, в т. ч. для обхода санкций</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) ориентация на соседей и сильных игроков (Китай и ОАЭ); 2) параллельный импорт, серый экспорт, перевозка нефти в бензовозах и теневых танкерах в масштабах всей Евразии; 3) географическая диверсификация легального импорта.
<p>Обход финансовых санкций (запрета на использование долларов и евро)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) ведение расчетов в валютах третьих стран и экзотическими способами (клиринг, бартер, исламская хавала, наличность); 2) замещение западных платежных систем национальными; 3) легализация криптовалюты и ее майнинга.
<p>Стимулирование промобработки и инноваций, самодостаточности по инвестиционным товарам и продуктам первой необходимости</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) перенастройка банковской системы (исламский бэнкинг) на потребности реального сектора; 2) поддержка отраслей и крупных компаний, вовлеченных в промышленный экспорт или широкое импортозамещение; 3) программное развитие инноваций для достижения регионального лидерства в переходе к экономике знаний.
<p>Сохранение системы распределения бюджетных субсидий для предприятий и домохозяйств</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) субсидирование курса риала по критическому импорту (лекарства, продовольствие, товары АПК); 2) субсидирование заниженных внутренних цен на топливо для предприятий и домохозяйств; 3) бюджетная поддержка населения, включая прямые выплаты, для гарантирования покупательной способности малоимущих и снятия социального напряжения.

Источник: составлено авторами по: [3; 12; 13; 15].

Реализация доктрины позволила Ирану устоять под ударами второго раунда санкций, провести определенную диверсификацию экономики (с созданием сильного нефтеобрабатывающего комплекса), добиться частичной самодостаточности в базовых секторах средней сложности и почти полностью заместить западных партнеров восточными [13]. Но успешное выживание никак не означает устойчивого развития, тем более решения накопленных структурных и социаль-

ных проблем. К 2022 г. административное вмешательство государства в экономику и уровень неравенства в стране только возросли. Экономический курс Ирана остался прежним, преследующим де-факто два приоритета, – обеспечить стабильность сложившейся системы власти и минимально необходимые базовые нужды населения, при отнесении вопросов устойчивого роста и общего подъема уровня жизни на второй план [3]. Продвинуться в технологических компетенциях и создать серьезные инновации Ирану не удалось – даже при установке на открытость науки и стимулирование связей с научной диаспорой в США [2].

По главным макрофинансовым и макроэкономическим параметрам «экономика сопротивления» явно провалилась.

Во-первых, она не смогла защитить Иран от санкционного сжатия нефтегазовых доходов и резкого нарастания бюджетного дефицита начиная с 2018 г. (по данным МВФ, он прирастал на уровне 4,5% ВВП в год). В 2019 г. Ирану пришлось урезать свои масштабные социальные программы и, в частности, программу субсидирования цен на топливо (стоимостью в 1,6% ВВП), что вызвало в стране беспрецедентную волну социальных протестов. Очевидно, что иранские власти уже не справляются с выполнением своих социальных обязательств: бюджетная поддержка малоимущих, составляющих основную часть населения страны (к 2022 г. 18,4% иранцев жили в абсолютной нищете, а 60% – за чертой бедности или ниже [3]), уперлась в свои пределы. Для стабилизации социально-экономической обстановки Ирану потребуется институциональная реорганизация затратной экономической модели, где доминирует квази-государственный сектор, разрастается теневой бизнес и практически отсутствует средний класс.

Во-вторых, наряду с хронически высокой инфляцией характерной чертой иранской экономики выступает высокая волатильность в динамике ВВП, когда глубокие рецессии чередуются с быстрым отскоком и очередным торможением (см. табл. 2). В основе такой динамики, обозначающей на длительном горизонте стагнацию, лежит, в свою очередь, волатильность динамики нефтяного экспорта (из-за колебаний мировых нефтяных цен) и инвестиций (преимущественно связанных с бюджетом) – при общем тренде падения их уровня под действием санкций. Согласно статистике ОПЕК, по итогам санкционного десятилетия (2011–2021 гг.) нефтяной экспорт сжался в физических объемах почти втрое, а в стоимостных – в 4,5 раза, иными словами, к 2021 г. Иран утратил около 78% ежегодной нефтяной выручки (в текущих ценах). Иранский риал обесценился к доллару в 8,5 раз [11, р. 53], а индекс потребительских цен вырос в 10 раз (до 1032 относительно 2010 г.).

Ухудшение состояния госфинансов отчасти компенсируется за счет девальваций риала и замещения части импортной продукции. Однако

**Динамика ключевых макроэкономических показателей Ирана
в условиях коллективных санкций, 2011–2022 гг., % (год к году)**

	Первый раунд санкций					Смягчение санкций		Второй раунд санкций				
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП	2,6	-3,7	-1,5	5,0	-1,4	8,8	2,8	-2,3	-2,7	3,3	4,7	2,7
Инвестиции	4,6	-23,9	-11,6	7,2	-14,1	-1,7	-0,5	-15,4	-7,0	3,2	0,0	3,9
Экспорт нефти:												
физ. объем	13,9	-14,1	-37,1	-1,9	1,0	52,7	-1,7	-11,4	-55,9	-26,8	60,0	17,2
стоим. объем	58,9	-11,6	-39,0	-13,4	-49,1	50,6	28,2	14,8	-67,9	-59,2	222,5	67,0
Инфляция	26,3	27,3	36,6	16,6	12,5	7,2	8,0	18,0	39,9	30,6	43,4	...
Индекс цен*	126	161	220	256	288	309	334	394	551	719	1032	...

* Индекс потребительских цен относительно досанкционного 2010 г.

Примечание. Нефтяной экспорт охватывает нефть и нефтепродукты. Динамика его физических и стоимостных объемов может сильно расходиться (как в 2015 г.) в силу волатильности мировых цен на нефть. Трехзначный прирост стоимостного объема в 2021 г. отражает эффект базы после четырех лет сокращения физических объемов.

Источник: составлено авторами по: интерактивные базы данных Всемирного банка и ОПЕК.

сочетание периодических обвалов курса с эмиссионным финансированием бюджетного дефицита постоянно разгоняет инфляцию до уровня 30–40% в год (см. табл. 2). Причем инфляция остается хронически высокой даже в периоды роста мировых цен на нефть, а подъем экономики в эти периоды сопровождался углублением в ней ценовых и структурных дисбалансов [15]. Длительное отсутствие притока иностранных инвестиций и технологий привело к падению выпуска в ключевых отраслях промышленной обработки и к деградации газового сектора, так что страна с богатейшим запасом газа утратила роль значимого игрока на этом сегменте мирового энергетического рынка, включая СПГ [13].

Таким образом, ни меры обхода санкций, ни политика сопротивления не спасают Иран от непрерывного взаимного усиления множества дестабилизирующих экономику факторов (девальвации, инфляция, бюджетный дефицит, двузначные процентные ставки и др.), что выливается в итоге в дальнейшее падение производительности и сжатие экономического потенциала [12]. К 2021 г. реальный ВВП Ирана остался на уровне десятилетней давности (2011 г.), а его среднедушевая величина и вовсе откатилась до уровня 2005 г. (менее 6 000 долл. по

обменному курсу) [15]⁴. Если полвека назад Иран был растущей экономикой со средним доходом и уровнем благосостояния выше среднемирового, то сегодня он относится к группе бедных, низкодоходных стран – беднее Кубы и ЮАР (по расчетам в постоянных долларовых ценах 2015 г.). При этом сложившаяся в стране система управления усугубляет санкционные эффекты. Как отмечается в литературе (см., например, [12]) иранская экономика так долго находится в стрессовых условиях, что едва ли сможет нормально функционировать и после снятия ограничений.

Типовые проблемы нестабильности сырьевых экономик в условиях санкционного стресса

По сравнению с Ираном Россия остается намного более сильной и более рыночной экономикой. Сохраняемая ею роль в глобальном энергообеспечении и влияние на другие мировые рынки также несопоставимы с Ираном. При прохождении мощных санкционных шоков она продемонстрировала, в отличие от Ирана, уникальный запас прочности. Тем не менее уже в начале 2023 г. Россия подпала под системное действие внешних ограничений, когда они с разных сторон начали подрывать ее нефтяной сектор и сжимать нефтегазовые доходы бюджета [7, с. 18–19], а к концу 2023 г. ее адаптационный маневр уперся в свои объективные пределы. Дальше России предстоит проходить наиболее проблемную, стрессовую фазу санкционного кризиса и, похоже, – ближе к сценарию других ресурсозависимых стран, демонстрируя все меньше позитивных отклонений от наблюдаемых в этих странах кризисных закономерностей.

Рассмотрим в контексте иранского опыта несколько трудно решаемых проблем, не позволяющих сырьевой экономике устойчиво расти и удерживать макрофинансовую стабильность даже при сохранении сильного бюджетного стимула.

1) *Уязвимости «экономики сопротивления»*. Россия перенимает многие стороны иранской «экономики сопротивления», которая, однако, не смогла укрепить экономическую стабильность, а лишь

⁴ По данным Всемирного банка, в пандемическом 2020 г. уровень благосостояния откатился еще ниже – на 30 лет назад, до отметки чуть выше 1990 г. (2,7 тыс. долл. по текущему обменному курсу или 15,2 тыс. долл. по ППС) (World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=IR>). В целом наблюдаемые расхождения оценок по Ирану связаны со множественностью курсов риала. Так, если оценивать иранский ВВП по фиксированному официальному курсу центробанка (как делает МВФ), то за 2018–2020 гг. экономика в долларовом выражении почти удвоилась, а если оценивать по рыночному курсу с учетом обесценения риала (как делает Всемирный банк), то она более чем вдвое сжалась.

подтвердила, что системные санкции лишают экономику источников развития.

Во-первых, санкции не позволяют диверсифицировать экономику и снизить ресурсную зависимость бюджета, что приводит к *постоянному воспроизводству в стране прежней сырьевой специализации*. С одной стороны, из-за технологических ограничений импортозамещение приобретает регрессивный характер (в большинстве секторов оно ведется на основе устаревших технологий, за счет обратного проектирования и параллельного импорта), а произведенная промышленная продукция (в Иране это еще и нефтепереработка, и IT-бизнес на базе бюджетного стимулирования) не находит широкого внешнего спроса из-за недостаточной конкурентоспособности. С другой стороны, ограниченность внешнего спроса сочетается с узостью внутреннего, что не позволяет бизнесу добиться эффекта масштаба, делая нерентабельным развитие многих (а в Иране – любых) обрабатывающих производств с импортной составляющей. Как следует из результатов опроса российских компаний в 2022 г. [4, с. 174–175] в России, как и в Иране, бизнес может частично заместить импортную продукцию низкого и среднего уровня сложности (продовольствие, одежда и др.), причем с упрощением, но он не в состоянии поднять инвестиционное импортозамещение, тем более окупить дорогостоящие вложения в новые высокотехнологичные проекты. В итоге в нефтедобывающих странах курс на растущее импортозамещение и технологическую самостоятельность теряет перспективу – равно как и курс на наращивание несырьевого экспорта.

В Иране нефтяной экспорт по-прежнему составляет около половины совокупного (по данным ОПЕК), и он еще в большей степени, чем раньше, определяет динамику ВВП. Выручка от нефтяного экспорта по-прежнему остается главным источником пополнения бюджета, причем из-за ее санкционного сжатия каждое очередное падение мировых цен на нефть вынуждает правительство наращивать бюджетный дефицит для выполнения своих текущих обязательств.

Во-вторых, наращивание связей с альтернативными партнерами не страхует страну от потери текущих и будущих доходов. В силу узости своего производственного потенциала восточные партнеры могут лишь частично компенсировать разрыв связей с западными, но при этом они прагматично используют тот факт, что новые рынки нужны подсанкционной экономике больше, чем она нужна им. По сути, они становятся главными бенефициарами санкционного положения ресурсозависимой страны, зарабатывая на торговом посредничестве, дисконтных закупочных ценах, удорожании своих поставок и даже на перехвате перерабатывающих мощностей, как в случае с российской нефтепереработкой [7]. Стратегическая ставка на Китай и других силь-

ных игроков также не ведет к повышению экономической устойчивости, но оборачивается попаданием к ним в растущую зависимость⁵. При этом риски ужесточения Западом вторичных санкций или контроля над соблюдением введенного импортного эмбарго (особенно на продукцию двойного назначения) становятся для страны-адресата серьезным макроэкономическим вызовом, способным подорвать успешные схемы обхода ограничений и переналаженные цепочки поставок [1, с. 10].

В-третьих, умелый обход санкций (включая ведение внешнеторговых расчетов в валюте страны-партнера) не избавляет экономику от обесценения национальной валюты и хронически высокой инфляции, которая поддерживается различными структурными проблемами (сжатие экспорта, санкционное удорожание затрат, устойчивая нехватка твердой валюты для оплаты критического западного импорта и др.). Однако инфляцию издержек невозможно обуздать ужесточением монетарной политики и, в частности, подъемом процентных ставок до двузначного иранского уровня – здесь требуется устранение самих структурных проблем, а не подавление перегретого спроса, как при классических кризисах.

2) *Стагфляция как генеральный тренд*. На примере Ирана видно, что санкционный кризис (т. е. процесс хаотичной трансформации экономики с неопределенными сроками и глубиной) имеет двухфазовую структуру: непосредственные эффекты в виде внезапных шоков и долгосрочные накопительные эффекты, которые усиливают структурные деформации и разрушают производственную базу [8; 13]. Если шоки могут быть в той или иной мере смягчены и абсорбированы мерами антикризисной политики, то накопительные эффекты санкционного стресса лишены реальных инструментов противодействия – они делятся столько, сколько делятся санкции.

Даже при облегченном прохождении шоков и ускоренном выходе из первоначальной рецессии (как это удалось сделать России) экономика продолжает пребывать в изоляции от глобальных рынков, испытывая стресс от роста затрат, накопления деформаций и падения производительности. Ход кризиса открывает отдельным фирмам

⁵ Иран перенаправил на Китай порядка 60% своего нефтяного экспорта, составившего в китайском нефтяном импорте всего 6% (The United States Institute of Peace. Iran's Increasing Reliance on China. <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china>). У России ставка на Китай обернулась партнерским дисбалансом по всем направлениям, начиная с юанезации экономики и кончая зависимостью в сфере закупок. По данным зеркальной торговой статистики, к середине 2023 г. доля Китая в российском импорте достигла 55% (Bruegel. Russian foreign trade tracker. <https://www.bruegel.org/dataset/russian-foreign-trade-tracker>), тогда как доля России в китайском внешнеторговом обороте не превысила и 3% [14].

и секторам новые производственные возможности, но одновременно сужает их для других агентов, что не позволяет (в отличие от классических кризисов) преобразовать локальные успехи в устойчивый рост всей экономики. В итоге она функционирует в режиме стагфляции с рисками постоянного срыва в очередную рецессию.

В Иране стагнационный тренд обозначен повышенной волатильностью динамики ВВП – резкими спадами и отскоками, связанными с колебаниями нефтяных цен и мирового спроса на нефть. В России (как и в случае любой другой крупной экономики) амплитуда таких колебаний будет, очевидно, более сглаженной, но тренд застоя с негативной траекторией и в сочетании с высокой инфляцией сохранится, видимо, и для нее. Если же выпуск будет разгоняться через растущие бюджетные расходы на оборону, то прирост ВВП будет в значительной мере номинальным, камуфлирующим падение совокупной производительности и уровня благосостояния.

3) *Уязвимости и ловушки бюджетного стимулирования роста.* В условиях системных санкций главным, если не единственным драйвером роста экономики остается государственный спрос (в виде государственных заказов, закупок и инвестиций), так как другие классические драйверы (экспортный, потребительский и частный инвестиционный спрос) подрываются введенными внешними ограничениями и их последствиями [5]⁶. Поэтому *типовой моделью роста подсанкционной экономики становится квази-кейнсианская модель, лишенная своего характерного мультипликативного эффекта, при котором возрастание государственного спроса и бюджетных вливаний в экономику служат механизмом быстрого запуска других драйверов роста* [10].

Заметим, что *длительная опора экономики исключительно на бюджетный стимул крайне уязвима.* Во-первых, она ведет к разбалансированному росту, поскольку в этом случае инвестиции и ресурсы перераспределяются в пользу одних агентов (секторов, предприятий, социальных групп) за счет других [10]. Во-вторых, возможности расширения бюджетных расходов упираются в проблему санкционного сжатия доходов. В-третьих, возникает макроэкономическая ловушка, способная дестабилизировать экономику и государственные финансы изнутри. С одной стороны, высокая инфляция издержек требует

⁶ Так, в нефтедобывающих странах экспортный спрос подавляется нефтяным эмбарго, а если им удастся наладить выпуск непосредственно не подпадающей под санкции продукции (как это сделал Иран с продукцией нефтепереработки), то массовый выход этой продукции на внешние рынки блокируется эффектами технологических и финансовых санкций. Частные инвестиции подавляются санкционным удорожанием затрат (начиная с импортных) и высокой неопределенностью, связанной с вероятностью ужесточения санкций, а рост потребительского спроса упирается в инфляционное обесценение реальных доходов населения.

постоянного наращивания бюджетных расходов для дальнейшего стимулирования экономического роста, что разгоняет рост цен еще сильнее, поскольку при закрытом доступе страны к мировому рынку капиталов растущий бюджетный дефицит приходится покрывать на проинфляционной основе, в т. ч. за счет девальваций. С другой стороны, любые попытки смягчить бюджетный дефицит путем секвестирования бюджетных расходов (включая отказ от субсидирования цен или от прямых выплат населению) чреваты сокращением выпуска, срывом в стагфляционную рецессию или подъемом социального недовольства, какой наблюдается в сегодняшнем Иране.

В России же риски подобных срывов могут возрасти при наращивании госрасходов по статье «национальная оборона» и их сокращении по статье «национальная экономика». Действительно, в условиях санкций и СВО в России сложилась специфическая модель роста, когда восстановительный подъем опирается на бурное расширение госинвестиций и госзаказов для цепочек реального сектора, связанных с ВПК (на это указывает и Банк России, и Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [1; 6]). В отличие от военного кейнсианства в открытой рыночной экономике, где оборонные сектора развиваются рука об руку с гражданскими и часто в условиях широких экспортных заказов (как было в США в эпоху президента Рузвельта), в России концентрация ресурсов в сфере ВПК не ведет к равноценному подъему гражданских секторов, что формирует разнонаправленную восстановительную динамику в разрезе отраслей и регионов. Тем самым в экономике возникают дополнительные дисбалансы, усугубляющие санкционные деформации [7].

В Иране функционирование экономики в режиме периодических девальваций и спадов длится больше десятилетия. Специфика российской ситуации не позволяет проводить здесь четкие долгосрочные параллели. Но ясно другое – оставаясь под санкциями, Россия переходит к волатильной, разбалансированной и крайне затратной модели роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России. О чем говорят тренды // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2023. № 5.
2. Дежина И.Г. Наука под санкциями: Опыт иранских университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 3. С. 22–34. DOI: 10.15826/umpra.2022.03.019.
3. Кожанов Н.А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–91. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
4. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3. С. 172–180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.
5. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 58–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
6. Сальников В.А., Галимов Д.И., Гнидченко А.А. Тезис 3. О промежуточных итогах развития промышленности с начала 2022 г.: производство и инвестиции. Тринадцать тезисов об экономике. М.: ЦМАКП. 2023. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2023/ТТ2023_3.pdf
7. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты // ЭКО. 2023. Т. 53. № 12. С. 8–29. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-12-8-29.
8. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.
9. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН, 2023.
10. Elveren A. Y. The political economy of militarism // The Oxford handbook of economic imperialism / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 389–408. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197527085.013.19.
11. Katzman K. Iran sanctions. CSR Reports. RS20871 (Version 318). 2022. <https://csrreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/318>.
12. Khajepour B. Anatomy of the Iranian economy. UI Papers. 6/2020. 2020. <https://www.ui.se/english/news/2020/anatomy-of-the-iranian-economy>
13. Kozhanov N. A. Iran's economy under sanctions: Two levels of impact // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. N. 4. P. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
14. Lukonin S. Russia-China relations: An asymmetrical partnership? // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16. N. 2. P. 65–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86.
15. World Bank. Iran Economic Monitor, Spring/Summer 2023: Moderate Growth amid Economic Uncertainty. 2023. Washington D.C.: World Bank. <https://doi.org/10.1596/40243>

REFERENCES

1. *Bank of Russia*. Talking trends // Research and Forecasting Department Bulletin. 2023. No. 5. (In Russ.).
2. *Dezhina I.G.* Science under sanctions: Experience of the Iranian universities // *University Management: Practice and Analysis*. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 22–34. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2022.03.019.
3. *Kozhanov N.A.* Between development, growth and survival: Some current features of Iran's model of socio-economic development // *Journal of International Analytics*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–91. (In Russ.). DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
4. *Kuzyk M.G., Simachev Y.V.* Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions // *Journal of the New Economic Association*. 2023. No. 3. Pp. 172–180. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.
5. *Nikolaev I.A.* Drivers of economic growth: Opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia // *Bulletin of Institute of Economics RAS*. 2023. No. 1. Pp. 58–74. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
6. *Salnikov V.A.; Galimov D.I.; Gnidchenko A.A.* Thesis No. 3. On interim results of industrial development since the beginning of 2022: Production and investments. Thirteen Theses on Economics. N. 3. Moscow: CMASF. 2023. (In Russ.). http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2023/TT2023_3.pdf
7. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* The Russia's sanctions crisis: Conceptual aspects // *ECO*. 2023. Vol. 53. No. 12. Pp. 8–29. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29.
8. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Russia under sanctions: The limits of adaptation // *Bulletin of Institute of Economics RAS*. 2022. No. 6. Pp. 52–67. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.
9. *Russia's economy under new challenges: From adaptation to development* / Edited by: M.Y. Golovnin, E.B. Lenchuk. Moscow: IE RAS, 2023. (In Russ.).
10. *Elveren A.Y.* The political economy of militarism // *The Oxford handbook of economic imperialism* / Edited by: Z. Cope, I. Ness. Oxford: Oxford University Press, 2022. Pp. 389–408. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197527085.013.19.
11. *Katzman K.* Iran sanctions. CSR Reports. RS20871 (Version 318). 2022. <https://csrreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/318>
12. *Khajehpour B.* Anatomy of the Iranian economy. UI Papers. 6/2020. 2020. <https://www.ui.se/english/news/2020/anatomy-of-the-iranian-economy>
13. *Kozhanov N.A.* Iran's economy under sanctions: Two levels of impact // *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.
14. *Lukonin S.* Russia-China relations: An asymmetrical partnership? // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 65–86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86.
15. *World Bank*. Iran Economic Monitor, Spring/Summer 2023: Moderate Growth amid Economic Uncertainty. 2023. Washington D.C.: World Bank. <https://doi.org/10.1596/40243>

Дата поступления рукописи: 02.11.2023 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Смородинская Наталия Вадимовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4741-9197
smorodinskaya@gmail.com

Катуков Даниил Дмитриевич – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3839-5979
dkatukov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Nataliya V. Smorodinskaya – Cand. Sci. (Econ.), leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4741-9197
smorodinskaya@gmail.com

Daniel D. Katukov – researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3839-5979
dkatukov@gmail.com

IRANIAN SANCTIONS EXPERIENCE: MACROECONOMIC OUTCOMES AND LESSONS FOR RUSSIA

The paper examines the impact of the sanctions crisis on oil-exporting economies, using the case of Iran in 2011-2022. It describes effects of the two rounds of collective sanctions – before the conclusion and after the termination of the nuclear deal, as well as in the interim period of lifting the oil embargo. The authors typologize priorities of the Iranian doctrine of “resistance economy” and review its macroeconomic outcomes. They show that despite the successful evasion of sanctions, the development of ties with alternative partners and some advances in diversification, the Iranian economy continues to lose budget revenues and remains unstable, experiencing periodic recessions, devaluations and high inflation. Within the Iranian context, the authors highlight the problem of unbalanced growth under the sanctions stress, as well as vulnerabilities in the growth-supporting strategy based on fiscal stimulus – the issues that hold relevance for Russia.

Keywords: *economic sanctions, sanctions crisis, Iranian economy, «resistance economy», Russian economy, fiscal stimulus.*

JEL: F1, F13, F5, F51.